
Мария Мялова
Здравствуйте я Даша! Сила быть собой
Эта книга не просто расказ а моей жизни.
Это история о боли, преодоление и вере в себя
18+

Мария Мялова

Здравствуйте я Даша!
Сила быть собой

«Автор»
2026

Мялова М. С.

Здравствуйте я Даша! Сила быть собой / М. С. Мялова — «Автор», 2026

Эта книга — не просто рассказ о моей жизни. Это история о боли, преодолении и вере в себя. Я решила написать её, потому что знаю, каково это — чувствовать себя одинокой, потерянной, искать смысл в темноте. Если ты сейчас проходишь через трудные времена, знай: ты не один.Я верю, что каждый человек может справиться с трудностями, если не сдастся и продолжит идти вперёд. Пусть моя история станет для кого-то поддержкой, вдохновением или хотя бы напоминанием о том, что даже в самых тяжёлых моментах всегда есть выход.Особую благодарность хочу выразить всем, кто так или иначе повлиял на мою судьбу. Кто-то поддерживал меня, кто-то предавал, кто-то учил через боль. Но если бы не вы, я не была бы той, кем являюсь сейчас. Имена персонажей изменены любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

© Мялова М. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Детство: первые уроки 5
Глава 2 Школьные годы. Начало пути 10
Глава 3. Маленький мир, большие изменения 12
Глава 4. В поисках себя: школа и первые открытия 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Мария Мялова
Здравствуйте я Даша! Сила быть собой

Глава 1 Детство: первые уроки

В нашем мире много людей, мнений, вещей, мыслей и ситуаций, но я хочу рассказать о тех, которые мне пришлось пережить. Это история о том, как, несмотря на все трудности, можно не опускать руки и верить в свою мечту и в себя.

Моя жизнь началась с непланированного зачатия. Мать не хотела меня рожать, и она сама мне об этом рассказывала. О моем отце я не знала ничего. Лишь позже, уже будучи взрослой, я узнала из медицинской карты, что он был водителем. Родственники и соседи говорили, что он встретил нас с мамой из родильного дома, но вскоре ушел, и больше его никто не видел.

Я не была первым ребенком в семье и родилась в 1992 году, когда в Беларуси было нелегко: страна только получила независимость, экономика переживала кризис, инфляция росла бешеными темпами, а люди адаптировались к новой реальности. Многие столкнулись с безработицей, задержками зарплат и неопределённостью будущего. Но в то же время это был период надежд, когда перед людьми открывались новые возможности, пусть и через трудности.

Моя мама работала продавцом, постоянно мерзла на холоде, торговая жизнь была тяжёлой, и так она постепенно спивалась. В эти сложные времена люди жили, как могли, и каждый зарабатывал, как умел.

Немного спустя моя мама попала в тюрьму за обсчёт покупателя. В это время меня воспитывали чужие люди. Меня записали на имя отца моего старшего брата, а её первый ребёнок, мой брат Игорь, остался с тогда ещё законным мужем матери. Мать отбывала срок в тюрьме почти два года. Всё это время за мной присматривал мужчина, который очень любил её. Он ждал её возвращения и делал, что мог для меня. Конечно, ему помогали его родители.

Раннее детство помню смутно. Я почти не выходила на улицу, мне не читали книг и не разрешали играть. Перед едой я стояла на коленях и читала молитву "Отче наш". Мне часто приходилось стоять в углу или даже на горохе на коленях. Я не любила спать днём, потому что, просыпаясь, видела пустую квартиру, и мне становилось страшно. Я часто кричала, стучала в дверь, но это было безнадёжно. Иногда я засыпала в истерике.

Лет до четырёх я называла папой кавалера моей матери, искренне веря, что он — мой настоящий отец. О маме, наверное, я не спрашивала, потому что в тот момент не совсем понимала, что такое мама.

Маминого кавалера звали Андрей. Это был высокий брюнет с карими глазами, относительно спокойный. Помню, как по ночам, просыпаясь в своей кроватке, я видела его, читающим книги. Андрей выпивал периодами, а вот мама его меня не любила и не принимала, ведь заботы и так было полно: кушать было нечего, а тут ещё чужое нагулянное дитя.

В период становления самостоятельного государства, продовольственная ситуация была тяжёлой. Магазины пустели, а за базовыми продуктами выстраивались огромные очереди. Люди занимали места с раннего утра, а иногда даже с вечера, надеясь купить хотя бы хлеб, сахар или масло. Талоны на товары первой необходимости стали обыденностью, но даже с ними не всегда удавалось что-то достать.

Инфляция делала деньги почти бесполезными: цены росли быстрее, чем успевали печатать новые банкноты. Многие спасались натуральным обменом: продукты с деревни меняли на одежду или бытовые вещи. Это было время выживания, когда каждый день приходилось бороться за элементарное.

Радостей было немного в тот период, но помню, как сильно я хотела выйти на улицу, хотя бы на балкон. Мы жили на первом этаже, и, наверное, для ребёнка не бывает ограничений, особенно если он один дома. Так вот, я достала откуда-то трёхлитровую банку и поставила её на пол, чтобы открыть балконную дверь. Банка не выдержала или соскочила, и я сама упала, а банка разбилась. В ней была чёрная краска, и я, как мне тогда казалось, украсила ею свою самую красивую кофту с корабликом.

Меня стригли и отмывали пензой. Спасибо этим людям за то, что они не били меня и не унижали словами. Они терпеливо смотрели на меня и пытались помочь, как могли, как умели.

Время шло, дети росли, учились общаться, читать, писать, танцевать… Я же росла в четырёх стенах, со мной никто не занимался, и я была ненужна никому. Это подсознательно отложилось в моей голове.

В эти непростые времена в Беларуси, как и в других странах постсоветского пространства, началась "дикая" пора, когда законность была под угрозой. После распада Советского Союза не была сразу налажена новая правовая система, и власть на местах часто переходила в руки криминальных группировок. Улицы в крупных городах становились опасными, а бандитизм процветал. Многие из тех, кто остался без работы, начали заниматься криминалом — грабежами, вымогательствами, "крышей" малого бизнеса.

Особенно остро это затронуло крупные города, где происходили стычки между бандами за контроль над рынками, складскими помещениями, а также добычей из магазинов и продовольственных запасов. В то время многие люди жили в страхе, но криминальные элементы

были также частью новой экономической реальности, где власть часто оставалась на их стороне.

Когда мама отбывала срок в тюрьме, она познакомилась с новым мужчиной. После освобождения она забрала меня к себе и познакомила с Николаем, сказав, что это мой отец. Тогда я не совсем понимала, что это означает, но восприняла его как своего родного отца. Он был с голубыми глазами, русыми волосами, и у него была машина. На тот момент он показался мне достаточно дружелюбным.

Когда мама забрала меня жить к себе, я узнала, что у меня есть старший брат Игорь, который живёт у какой-то бабушки. Лет в 4-5 я не знала, почему он не живёт с нами. Мне никто не объяснял взрослых дел, ведь я была маленькой и ничего не понимала. Мы сначала жили у матери Николая, ещё одной бабушки Гали. Она была очень доброй, невероятно терпеливой и выносливой женщиной. Она понимала, что я уже за свои малые годы пережила многое. Бабушка приняла меня как родную, а я её.

Некоторое время мы жили в Жлобине, это небольшой железнодорожный город, где пенсионеры дрались за каждый кусочек земли, чтобы было где сажать картошку, лук и другие продукты питания. Каждое утро мы с бабушкой вставали, кушали и шли на поле. Сначала бабушка сажала огромные количества продуктов. В последствии она что-то закатывала, продавала и давала нам кушать.

В 90-е годы в Беларуси, как и в других странах постсоветского пространства, многие родители, пытаясь обеспечить свою семью в условиях экономической нестабильности, вынуждены были проводить много времени на работе. В результате часто воспитанием детей занимались не столько родители, сколько бабушки и дедушки. Это было связано не только с нехваткой времени, но и с семейными традициями, когда старшее поколение брало на себя заботу о внуках, помогая родителям совмещать работу и личную жизнь.

Мать и отчим постоянно где-то гуляли, а я была оставлена на бабушку и всё своё время проводила или с бабушкой, или во дворе с детьми. Двор был устроен так, что посередине было достаточно места для игр, и мы, дети, были на виду. Бабушке хватало выйти на балкон, и я сразу как собачонок бежала к ней. Я понимала, что она меня любит, и я нужна ей. Я боялась её ослушаться или сделать что-то не так. Бывало, я вставала утром, а бабушка уже ушла на поле без меня, и для меня это было очень неприятно.

Стоя у зеркала, я смотрела на своё отражение, пытаясь найти в себе хоть что-то, что могло бы мне дать смысл. Я искала что-то, за что можно было бы зацепиться, хоть какое-то объяснение, почему я оказалась в этом мире. "Зачем я здесь?" — думала я. "Почему я должна жить, если никто не рад мне?" Я видела себя — некрасивую, не нужную, с пустыми глазами, полными боли и сомнений

В моем маленьком, детском сознании началась борьба: мысли, как тяжелые камни, падали на грудь. Я не понимала, зачем я здесь, почему приходится так страдать. Бабушка — единственная, кто рядом, кто меня любит, но что если я не могу быть для неё достаточно хорошей? Она говорила мне, что я должна терпеть, что «каждому дается столько, сколько можно выдержать», но мне было тяжело верить в это. В тот момент мне казалось, что я не выдержу, что я не могу больше.

Но даже несмотря на это, что-то внутри меня продолжало тянуть за собой. Я не хотела умирать, хотя и не знала, как дальше жить. Я находила в себе силы не сдаваться, потому что думала о бабушке. Она была такой сильной, несмотря на свою усталость, несмотря на всё, что она пережила. Я видела её боль, но она продолжала жить. И, может быть, я жила ради неё, потому что она была единственным человеком, которому я могла быть нужна.

Я просто стояла и старалась не давить на себя ещё больше, пытаясь примириться с тем, что есть. Жизнь казалась какой-то неестественной, чуждой, но я не могла отступить. В её глазах

я видела, что не одна, что есть те, кто нуждается во мне, даже если я сама не понимала, зачем мне всё это.

Жизнь с отчимом была как постоянная угроза. Его присутствие в доме всегда заставляло меня напрягаться, как струну, готовую порваться. Он был не просто строгим, он был жестоким. Каждый его взгляд, каждое его слово могли стать последними в тот день. Всё, что я делала, казалось ему не так, не правильно. В его глазах я была ничем, случайным пятном, которое он не хотел видеть. Он мог кричать, ударить, на следующий день вести себя как ни в чём не бывало, и всё начиналось сначала.

Мне было страшно даже находиться рядом. Каждый шум, каждое движение, каждый взгляд — всё было вниманием его гнева. Он заставлял меня бояться, что даже простое «не так» может обернуться наказанием. Я не понимала, что я сделала не так, почему я должна жить в этом постоянном страхе. В его мире не было места для ребёнка, а в моём мире не было спасения от его рук. Иногда я сидела в углу, как будто пытаясь стать невидимой, чтобы не привлечь его внимания, и надеялась, что всё пройдёт.

Он бил и угрожал, но больше всего мне было больно от того, что мама ничего не говорила. Она не защищала меня. Иногда она молчала, иногда пыталась успокоить его, но никогда не становилась на мою сторону. Я чувствовала себя никем, как пустая оболочка, забытая и оставленная. Единственный человек, который пытался мне дать хоть какую-то поддержку, была бабушка. Но и она была слаба перед его агрессией. Иногда мне казалось, что в его глазах я была просто удобной мишенью, что он ощущал свою власть и наслаждался этим.

Эти дни стали частью моего существования, частью меня самой. Страх и боль стали настолько привычными, что я не знала, как можно жить по-другому. Но в то же время я старалась держаться, потому что в глубине души надеялась, что когда-нибудь что-то изменится. Я надеялась, что когда-нибудь кто-то увидит меня, а не только мой страх.

Глава 2 Школьные годы. Начало пути

Время шло, и наступил момент, когда мне пришлось идти в школу. В те годы только начали вводить 12-летнее образование, и мой первый класс стал нулевым. Я не умела читать и писать, всё было для меня новым и сложным. Но у моей любимой бабушки была её тётя Зина — учительница начальных классов, настоящий педагог от Бога. Тётя Зина научила меня перед школой читать и писать. Она была мудрой и всегда находила подход к каждому ребёнку. Там, где мать и отчим выходили из себя от нехватки терпения в объяснении тех или иных моментов в обучении, учительница была терпелива. Она стала для меня не только учителем, но и примером того, как любовь и забота могут помочь ребёнку открыть для себя этот мир.

Но, как всегда, радость была недолгой. Спустя полгода после того, как я пошла в нулевой класс, тётя Зина умерла. Это была страшная утрата, и в тот момент я почувствовала, как мир вокруг меня меняется. Тётя Зина не была просто учителем. Она была человеком, который вложил в меня частичку себя, и её уход оставил в моём сердце пустоту. Я не могла понять, почему она ушла так рано, ведь она была так нужна. Но именно в тот момент я начала осознавать, что люди в нашей жизни появляются не случайно, и каждый из них приходит с какой-то целью. Мы все — временные гости в этом мире, и пока мы не выполним ту задачу, ради которой пришли, мы не уходим.

Тётя Зина ушла, но её уроки, её забота и её любовь остались со мной. И в эти моменты я почувствовала, что, может быть, моя жизнь тоже имеет смысл, и я должна найти свою цель, даже если она будет связана с болью и утратой.

Я пошла в нулевой класс в Жлобине, но, честно говоря, не очень помню, как это было. Мама уже должна была рожать, в животе у неё было две близняшки. Они родились преждевременно, каждая весила по полтора килограмма, и были очень слабыми.

К сожалению, мама пила во время беременности, а отчим часто её бил. Из-за этого девочки были в тяжёлом состоянии, и за них боролись врачи. Одна из девочек, Аня, заболела воспалением лёгких и, к сожалению, умерла в марте 2000 года. Наша семья считалась многодетной, и, несмотря на то что все дети были от разных мужчин, все мы носили одну фамилию и отчество.

Спустя полгода мы вместе с младшей сестрой Мариной переехали в Гомель, и с того момента моя жизнь, хотя и была наполнена детскими радостями, уже начинала становиться более сложной. Я умела жарить тонкие блины, варить манную кашу — всё это было несложно, ведь мама всегда давала мне такие задания. Конечно, я готовила всё на воде, но мне казалось, что я, наконец, что-то умею. Родителей бабушка пробовала закодировать, но этот процесс не давал результата, и с каждым разом они всё больше погружались в алкоголь.

Младшая сестра, будучи ещё совсем маленькой, часто оставалась никем не замеченной, и я начала брать на себя роль заботливой старшей, для меня это была как игра в дочки-матери. Я кормила её, укладывала спать. Её маленькие ручки, обвивавшие мой указательный палец, давали мне ощущение, что хоть в этой безумной реальности я могу быть кем-то важным для неё. Она засыпала только, если я была рядом.Как и все дети, я любила играть во дворе. Однажды я решила попробовать сделать "солнышко" на качелях, но не удержалась и упала, сильно разбив подбородок. Шрам от этого падения остался до сих пор. На следующий день, после того как я упала, отчим попросил показать, как я умею кататься, и, поддерживая меня морально, кричал: "Давай, ещё сильнее! Ещё!" Я крутила качели, и в итоге смогла сделать около ста кругов. Это дало мне чувство значимости и важности — я была крутой и могла сделать то, что далеко не каждый мальчик мог.

Отчим также учил меня защищаться — никогда не начинать драку первой, а защищать себя, если нужно. Однажды, когда я была в саду, мальчик начал обзываться, называя меня

"Дашка-какашка". После нескольких просьб прекратить, он продолжал, и я, следуя его урокам, дала ему в нос кулаком. У мальчика пошла кровь из носа. Конечно, начался скандал между воспитателями и родителями. Но меня тогда похвалили за то, что я постояла за себя.

Я ходила в школу, а когда возвращалась домой, часто находила родителей пьяными. Это было мучительно. Когда они были трезвы, мы жили, как могли. Но стоит им напиться, и всё менялось. Отчим начинал ссоры, вспоминал старые обиды, обрушивал на маму свой гнев, вспоминал ей какие-то измены, не понимая, что её жизнь — это и так сплошная борьба. И тогда снова начинались удары. Мама плакала, а я… я тряслась от страха. Я снова бегала к соседям, стучала в их двери, моля о помощи. Я кричала, что отчим её бьёт, что ей нужна помощь, но многие взрослые просто не вмешивались. Они как будто привыкли к этому, а я — нет. Мне было страшно, мне было жалко маму, я боялась, что он может её убить.

В такие моменты мне не хватало сил. Я бегала в опорный пункт, надеясь, что милиция как-то сможет разнять их, что они, наконец, увидят, как это важно. Я не могла понять, почему никто не приходил на помощь. В такие моменты я чувствовала себя беспомощной, как будто весь мир рушился. Я думала, что, может, если я буду кричать громче, кто-то всё-таки поможет. Но, увы, спасать нас было некому. И вот тогда я осознавала, как одна маленькая девочка с такими большими переживаниями и болью в душе должна разбираться с этим взрослым миром.

Чувство нереализованности, финансовые трудности и давление со стороны внешнего мира — всё это могло приводить к напряжению в отношениях. В таких семьях, как моя, скандалы становились нормой.

Интересно, что в те времена общество было устроено так, что вмешательство соседей в семейные конфликты считалось чем-то чуждым и неприличным. Соседи обычно не вмешивались в дела соседей, считая, что "чужие разборки" — это личное дело каждой семьи. В некоторых случаях люди даже избегали выносить свои проблемы на показ, придерживаясь определённой социальной маски, где внешне семья могла казаться вполне благополучной.

Глава 3. Маленький мир, большие изменения

Когда я пошла в школу в Гомеле, нас встретила новая учительница начальных классов, Марина Викторовна, достаточно молодая, возможно, это был её первый класс. В классе было около 25 детей, и все мы были разными. Думаю, для начинающего специалиста это было непросто – обучать столько детей сразу. Но если человек не любит свою работу, зачем мучить и себя, и других?

Моя учительница, как мне казалось, сразу заметила, из каких семей мы все. Особенно детей из неблагополучных семей. Она часто била нас указкой: по пальцам, по голове. Мы дарили цветы всем учителям, а ей — только указку.

Конечно, мне не нравилось ходить в школу, я не хотела учиться, поэтому часто приносила домой плохие отметки. Когда я приходила домой, меня наказывали. Отчим бил меня шнуром от утюга, а мама пряжкой от ремня.

В те времена мобильных телефонов не было. И помню один случай, когда я прогуливала целую неделю школу, чтобы избежать побоев. Просто садилась на трамвай и каталась по городу, а когда время подходило, возвращалась домой, будто после уроков. Это была моя маленькая победа — хоть одна неделя, когда меня не били. Но, как и всегда, в конце концов наказание не миновало, как только они узнали, что я прогуливала.

Когда я приходила домой после школы, дома было всегда грязно: валялись бутылки, нужно было менять пеленки сестре, готовить ей еду. Так как сестра была слабой, а мама пила, мне приходилось готовить для нее смесь. Я помню, как размакивала печенье "Слодыч" в молоке и кормила сестру с ложечки. Конечно, на домашку времени не оставалось.

Когда мне было 7 лет, чтобы не платить за билет на электричку и забрать продукты от бабушки, меня часто отправляли в Жлобин одну. Сначала меня сажали на электричку и встречали, но однажды, когда бабушка загрузила меня четырьмя тяжелыми сумками с продуктами, родители снова напились, и никто не пришёл меня встречать. Я понимала, сколько усилий и сил вложено в эти продукты, поэтому не оставила их. Я тянула по две сумки за раз, делая шаг за шагом, чтобы добраться до трамвая и доехать до дома.

Иногда на пути мне встречались добрые люди, которые помогали донести сумки, и я была им очень благодарна. Ведь если бы я не привезла эти сумки с едой, нам бы нечего было есть. Когда бабушка узнала, что меня не встретили, она сказала, что нужно было бросить сумки и оставить их, но я объяснила, что не могла поступить так. Я знала, сколько сил и здоровья она вложила в то, чтобы вырастить все эти продукты.

Я часто ездила в Жлобин, и это было моим спасением от избиений меня пьяными родителями. Бабушка всегда старалась меня накормить и одеть как могла, а могла она меня одеть только той одеждой, которую находила в мусорке. Пенсия не позволяла жить, как хотелось, и бабушка, привыкшая к трудностям, выжила сама и помогала мне справляться. Она много времени проводила на огородах и искала нужные вещи в мусорных баках. Как ребенок, я долго не понимала, откуда у бабушки появилась другая одежда. Она говорила, что ей её отдали. И когда я приезжала, бабушка предлагала мне постиранную одежду, чтобы я её примерила.

В начале 2000-х в Беларуси система пенсионного обеспечения всё ещё находилась в стадии переходного периода, и многие люди сталкивались с трудностями при получении пенсионных выплат. Пенсии были чрезвычайно низкими, а инфляция продолжала сильно сказываться на покупательской способности. Для большинства пожилых людей пенсия едва покрывала самые базовые нужды, и они часто были вынуждены искать дополнительные источники дохода — работать на дачах, продавать продукцию на рынках или получать помощь от детей и внуков (если, конечно, такая возможность существовала).

Государственная помощь многодетным семьям тоже имелась, но она была ограничена. В первую очередь предоставлялось бесплатное питание для детей в школах и детских садах, а также выплачивались пособия, которые увеличивались с каждым новым ребёнком в семье.

Мама не покупала мне одежду, только когда настал момент приобретения школьного костюма, и ей выдали чек на определённую сумму, как многодетной матери. Тогда она смогла приобрести мне костюм в магазине "Свитанак", который находился рядом с домом. Я часто ходила туда, просто бродила по магазинам, мечтая о будущем — о том, как когда-нибудь вырасту и смогу сама себе купить велосипед, новую одежду, всё, что захочу. Эти мечты согревали меня, даря надежду на лучшую жизнь.

Бывали моменты, когда мама просыпалась после очередного перепоя и чувствовала себя крайне плохо. В такие дни я приносила ей воды, стараясь достучаться до неё, объясняя, что так жить нельзя. Деньги, которые она тратит на алкоголь и которые постепенно разрушают её здоровье, можно было бы использовать для улучшения жизни. Я искренне надеялась, что она когда-нибудь бросит пить, и наша жизнь изменится к лучшему.

Однако часто было страшно и тяжело... Особенно, когда из школы нужно было идти домой, и уже начинало темнеть. Я хорошо помню, как часто с бабушкой мы смотрели сериалы — "Бандитский Петербург", а позже и "Мухтар". В этих историях было много бандитов и милиции, и я чувствовала, что мир вокруг полон жестокости и опасности. В те годы, когда темнело, я всегда спешила вернуться домой. Особенно если знала, что дома меня ждёт сестра. Я переживала за неё, сидя на уроках, думая, как она там одна, с её болезнями и тяжёлым состоянием.

Марина росла, но не так, как все дети. Её здоровье было всегда под угрозой. Мама была поглощена алкоголем, и каждый день теряла контроль. Несмотря на всё, Марина была удивительно сильной. У неё были особенные руки, и она передвигалась, опираясь на них. У неё было косоглазие, паховая грыжа, а её лицо выдавалось тем, что ей было сложно развиваться, как другим детям. Но кто из взрослых тогда по-настоящему заботился о ней? В доме всегда была бутылка вина, и всё остальное теряло смысл. Чужие беды не важны, когда в твоей жизни есть только свой маленький мир — мир алкоголя и пустоты.

У моей мамы была старшая сестра, которая жила рядом с аэропортом. Она была старше, и казалось бы, должна была быть мудрее и сильнее. Но у каждого свои проблемы. Когда они встречались, их разговоры редко обходились без бутылки водки, а то и нескольких.

Эти семейные встречи всегда сопровождались присутствием детей. Меня, маленькую девочку, укладывали спать вместе с двоюродным братом. Но эти ночи становились для меня настоящим испытанием. Он заставлял меня делать то, что мне было неприятно, и чего я не хотела. Я знала, что рассказать об этом некому. Мама не защитила бы меня, она бы просто сказала, что я всё выдумала.

Мой брат был старше меня на два года, его звали Андрей. Он был приёмным ребёнком. Часто он воровал деньги у взрослых, а когда те не могли вспомнить, куда они исчезли, дома начинались скандалы. Его мать, моя тётя Лариса, всегда его защищала, как могла.

Помню свой 10-й день рождения. Тётя подарила мне 10 долларов. Но этих денег я так и не увидела — их потратили взрослые на алкоголь.

Но, несмотря на все мои усилия двигаться вперёд, реальность продолжала держать меня в своих цепях. В школе меня продолжали травить, и всё чаще я ощущала, что моя жизнь — это не что-то светлое, достойное воспоминаний, а скорее сцена из трагедии, которую невозможно смотреть без боли. Обида на окружающих и чувство глубокой одиночества становились частью меня, и порой казалось, что я никогда не выберусь из этого замкнутого круга.

Глава 4. В поисках себя: школа и первые открытия

В начале 2000-х годов в Беларуси, как и в других странах, произошел заметный раскол общества — на бедных и богатых. С одной стороны, появлялись новые предприниматели, владельцы успешных бизнесов и те, кто смог адаптироваться к рыночным условиям. Эти люди начали накапливать капитал, открывать успешные компании, и некоторые из них были связаны с властью или преступным миром, что давало им дополнительные возможности для увеличения своего состояния.

С другой стороны, большая часть населения продолжала бороться за выживание в условиях экономического кризиса: низкие зарплаты, отсутствие стабильной работы и нехватка социальных гарантий. Многие семьи не могли позволить себе даже самые базовые вещи, такие как отдых или покупка новых товаров, а общее качество жизни оставалось на крайне низком уровне.

Однажды я оказалась на дне рождения у одноклассника, чья семья была обеспеченной — в отличие от нашей. На самом деле, пригласили меня не он, а его родители. Они были более открытыми, и я с благодарностью приняла приглашение, надеясь, что это шанс хоть немного почувствовать себя нормальной. Я пришла с подарком, который мои родители смогли купить, но как только я вручила его, мальчик с хмурым лицом посмотрел на меня. Его реакция была ясна — подарок ему не понравился. Он выгнал меня из дома, и я ушла в слезах. Это было горько и больно. Родители моего одноклассника извинились, даже дали мне подарок в ответ, но легче от этого не стало. Я всё равно чувствовала, что они меня не воспринимают, как свою. Дети бывают жестоки, и их отношение не изменилось. Это был очередной урок жизни.

Тогда я поняла, что всегда буду отличаться. Я не смогу быть как все. И даже если пытаюсь вписаться, всегда буду оставаться «не такой». Особенно тяжело было думать об этом в контексте моей сестры. Я чувствовала, что ей тоже не легче, что она несет ту же тяжесть. Мне нужно было быть сильной для неё. Я стала ощущать, что, возможно, должна быть для неё матерью, ведь нашей мамы рядом не было. Я надеялась, что смогу хоть как-то уберечь её от жестокой реальности.

С каждым днём я всё больше осознавала, что мне нужно не просто выжить, но и стать примером для своей сестры. Я поняла, что у меня есть шанс изменить её жизнь, даже если я не могу изменить свою.

Я росла и чётко понимала: я ни за что не повторю судьбу своей матери. Она была мне примером того, что происходит, когда не сопротивляешься, а просто плывешь по течению. Моя мать страдала от цирроза печени, всё чаще ссорилась с отчимом, и его уезжала к себе в Осиповичи. Дома родители курили, и для меня было очевидно, что пить — это плохо, а курить казалось чем-то взрослым... В 10 лет я впервые попробовала покурить. Не получилось — меня заметила соседка, и на какое-то время это меня оттолкнуло от курения, так как я очень боялась последствий. Так прошли мои годы...

Как я уже упоминала, я часто ездила в Жлобин. Это были не только выходные, но и каникулы. Летом бабушка вставала с 6 утра и вела меня на огороды, а к обеду я могла гулять, пока мои друзья просыпались только к полудню. В детстве мне казалось, что у меня есть лучшая подруга, Юля. Я верила, что она принимает меня такой, какая я есть. Мы много общались, обсуждали самые тревожные для нас темы, а я искренне верила, что у нас есть настоящая дружба. Например, мальчик, который мне нравился в шесть лет, нравился и ей, и мы как бы поделили его между собой. Я думала, что это дружба, а на самом деле, возможно, это была просто детская игра.

Дружба тогда была одним из самых тёплых и значимых моментов в моей жизни. В Минске у меня тоже были друзья и подружки. Я часто играла с ребятами в футбол, пионербол,

научилась кататься на коньках, велосипеде и скейте. Мне хотелось быть на одной волне с другими, не отставать, и было здорово, что дети делились — кто велосипедом, кто роликами, кто скейтом.

Я часто пропадала на улице, потому что дома царил один сплошной негатив, и меня туда не тянуло. Родители едва сводили концы с концами: деньги уходили только на алкоголь, а еды почти не было. Мне часто приходилось ходить по соседям, прося сухари.

После того как у моего старшего брата умерла бабушка, он стал чаще приезжать к нам домой. Я была так рада его возвращению — он был старшим, сильным, красивым. Иногда он приводил своих друзей, чтобы защитить нас и побить отчима. Это давало нам передышку, но после каждой пьянки всё начиналось снова. Мама защищала своего Николая, а мы с братом всё больше его ненавидели. Мы оба понимали: этот человек — не человек, а демон, который когда-нибудь убьёт нашу маму.

Брат жил с отцом и дядей, который учил его строительному делу. Я не знала всех подробностей, но в возрасте 15-16 лет он попал в тюрьму за кражу строительных материалов у дяди. Этот момент стал для меня подтверждением того, что всё в нашей жизни движется по наклонной. Брат постоянно говорил, что был не виновен, но правду знали только двое — он и его дядя, который в то время считался очень обеспеченным человеком.

Конфеты, которые мне иногда удавалось получить, были не просто сладким угощением, а материальной помощью для многодетных семей. Одежду, которую нам давали, родители часто продавали, чтобы купить бутылку. Мои покупки в магазине, когда они брали вино, тоже были актом жертвенности — мне покупали чупа-чупс или жвачку на сдачу. Мало что оставалось для нас, детей. После больших пьянок для меня была работа — отмыть бутылки и сдать их на стекло, чтобы потом купить кусок хлеба и пакет молока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.